

Пахомова Л.Ю.

Анализ причин и характера антиавстрийского выступления в 1881–1882 гг. российскими дипломатами

С подписанием Берлинского трактата в 1878 г. в истории балканских народов наступил новый этап. Для всех народов, о которых идет речь в статьях договора Берлинского конгресса, это был важный шаг в государственном развитии. Сербия, Черногория, Румыния получили независимость, Болгарии была предоставлена автономия. Хотя и не юридически, но фактически с принятием XXV статьи был также изменен статус Боснии и Герцеговины: вилайет Османской империи перешел под управление австро-венгерского правительства, оставаясь формально под верховным правлением султана.

Берлинскому конгрессу и его итогам предшествовала серьезная разработка балканской политики России, проводившаяся начиная с Крымской войны. Обращаясь к истории боснийской проблемы, следует сказать, что русская позиция по вопросу политического будущего Боснии и Герцеговины, сформировалась под влиянием нескольких факторов и при постоянном наблюдении за всеми сторонами жизни края.

Изучение внешнеполитических планов России в отношении Боснии и Герцеговины показывает, что в российском МИДе рассматривалось несколько вариантов развития региона. Зондировался вопрос о возможности включения Боснии и Герцеговины в состав Сербии и Черногории, учитывая настойчивые притязания на эти области правителей двух княжеств. Эта идея представлялась потенциально осуществимой только при удачно осуществленном общебалканском восстании. Но уже в конце 60-х гг. XIX в. стало ясно, что даже в случае успеха, восстание не приведет к мирному переделу турецких владений. Глубокий и серьезный анализ этнической и социальной напряженности в крае дал основание русским консулам, большинство из которых были одновременно и учеными-специалистами по балканским проблемам, заявлять о росте национальных противоречий среди самих славянских народов.

Особой напряженности эта проблема достигла в Боснии и Герцеговине, где наблюдался феномен этноконфессионального противостояния внутри народа с общим историческим прошлым и единым языком. Источники свидетельствуют, что в русских дипломатических кругах именно в 1850–1870-е гг. зародилось сомнение в способности Сербии и Черногории самостоятельно решить эти проблемы, в случае присоединения к ним Боснии и Герцеговине. Новый конфликт мог поставить под угрозу и само существование княжеств.

Поэтому в Азиатском департаменте вызревал план о поэтапном решении воссоединения балканских славянских территорий. Первый этап предполагал реализацию программы стабилизации в крае, проведение необходимых преобразований и лишь затем возможного объединения Боснии и Герцеговины с княжествами. Именно по этой причине больше всего импонировала русским политикам идея боснийской автономии.

Однако петербургский кабинет был готов к различным вариантам развития событий. После многочисленных попыток добиться автономии для Боснии и Герцеговины в составе Османской империи, Россия согласилась на австро-венгерскую оккупацию края.

Было понятно, что приход австро-венгерской армии в Боснию и Герцеговину будет встречен местным населением более чем прохладно и именно начальный период оккупации будет самым трудным для венского кабинета министров. Дуалистической

монархии необходимо было выстроить заново всю систему управления оккупированными территориями.

Российский уполномоченный представитель на Берлинском конгрессе П.А. Шувалов сообщал, что, несмотря на то, что, в XXV статье окончательного мирного трактата говорится об «оккупации без определения срока», все представители европейских государств считали, что оккупация означает именно аннексию¹. Вероятнее всего, и петербургские политики также не исключали того, что передача Боснии на временное управление в действительности может обернуться не чем иным, как окончательным присоединением.

Одно обстоятельство успокаивало русских дипломатов: оккупация обнаружила огромную брешь в системе дуализма. Кроме того, в петербургском министерстве прогнозировали, что увеличение славянского населения Габсбургской монархии станет «причиной слабости в случае войны с нами»². Как отмечается в утвержденном царем Александром II проекте инструкции послу в Вене П.П. Убри, еще одной причиной спокойного отношения к оккупации было то, что Австро-Венгрия «будет прикреплена к Адриатике, далеко от Черного моря»³.

Порта в свою очередь стремилась оттянуть оккупацию и пересмотреть решение боснийского вопроса. С этой целью она пыталась договориться с Дунайской монархией в двустороннем порядке. Великий визирь Савфет-паша предлагал австро-венгерскому правительству через посла в Стамбуле графа Зичи оккупировать Герцеговину и Новопазарский Санджак, а Боснию оставить под управлением Порты. Зичи, даже не испрашивая мнения своего правительства, отклонил предложение. Кроме того, 24 июля, в день, когда граф Андраши уведомил, что ввод австро-венгерских войск начнется 28 числа того же месяца, в Вену прибыл уполномоченный османского правительства Кара Теодори-паша с заданием попросить отложить сроки оккупации⁴. Однако Вена и на этот раз дала отрицательный ответ Стамбулу.

29 июля 1878 г. вооруженные силы Австро-Венгрии приступили к оккупации Боснии и Герцеговины согласно мандату, выданному великими державами на Берлинском конгрессе. Как установил Роберт Дониа, чтобы умиротворить мятежный вилайет, австро-венгерские власти направили три типа военных формирований: 1) на начальной стадии оккупации для отражения крупномасштабного сопротивления населения была отправлена регулярная имперская армия; 2) чтобы установить и поддержать порядок, работала жандармерия; 3) целью вспомогательной части жандармерии было уничтожение разбойничьих отрядов в горах Боснии и Герцеговины⁵.

Уже в начале 1878 г., как сообщало российское министерство иностранных дел, жителям Боснии и Герцеговины было известно о возможной оккупации их вилайета⁶. Местное население готовилось к вооруженной борьбе с австро-венгерскими войсками. Оснащенной современным оружием армии из 268 тысяч человек понадобилось четыре

¹ Шифрованная телеграмма графа Шувалова. Берлин, 23 июня/ 3 июля 1878 г. Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф.133. Канцелярия. Оп.470. Д.201. Балканский кризис. Копии документов, относящихся к годам 1878-89-80-81 (Босния, Герцеговина, Санджак). Записка о наших отношениях с Австро-Венгрией (1876–1897). 1908. Л.19.

² Проект инструкции послу в Вене Убри, Петербург, 17 января 1880 г. Там же. Лл. 24–24об.

³ Там же. Л. 24.

⁴ Чубриловић В. Босански устанак 1875-1878. Београд, 1930. С. 345.

⁵ Donia R.J. The Habsburg Imperial Army in the Occupation of Bosnia and Hercegovina // Insurrections wars and the Eastern Crisis in the 1870s. NY., 1985. P.375.

⁶ Отчет МИД за 1878 г. по Герцеговине // Годишњи извештаји министарства иностраних дела Руске империје о Србији и Босни и Херцеговини (1878-1903). Нови Сад, 1996. С.167.

месяца, чтобы сломить сопротивление православных, мусульман и некоторой части католиков⁷.

Поскольку в 1877–1878 гг. Россия и Турция находились в состоянии войны, русские дипломаты покинули территорию Боснии и Герцеговины, где российские представительства существовали с 1856 г. Тем не менее, министерство иностранных дел России, продолжало получать сведения о ситуации в оккупированных провинциях. С этой целью министр-резидент в Черногории А.С. Ионин отправил осенью 1878 г. опытного секретного агента Алексу Марича в оккупированные территории для сбора информации. Документы Архива внешней политики Российской империи подтверждают, что Ионин решился на этот шаг по совету генерала Р.А. Фадеева⁸.

То, что эта провинция формально оставалась частью Османской империи, дополнительно подтверждалось двусторонним договором между австро-венгерским правительством и Блистательной Портой – Енипазарской конвенцией, подписанной в апреле 1879 г. По этому документу Турция соглашалась на временную оккупацию Боснийского вилайета. Кроме того, особо оговаривались права султана как халифа – верховного главы мусульман-суннитов и права самих магометан и исламской религии: военные и гражданские власти согласно второй статье Апрельской конвенции должны были «с величайшей заботливостью следить за тем, чтобы каким-либо образом не был нанесен ущерб чести, достоинству, обычаям мусульман, равно как их религиозной свободе, свободе личности и личной собственности»⁹.

Когда край был более или менее умиротворен, Вена ввела гражданское управление, которое существовало параллельно с военным (General Commando) и было названо правительством (Kaiserlich-königliche Landesregierung)¹⁰. Одновременно была проведена перепись населения, которая показала, что общее количество жителей провинции было 1 млн. 140 тыс., из которых 486 тыс. были православные (42%), 442 тыс. – мусульмане (39%), 209 тыс. – католики (17,5%), 3 тыс. – евреи (2,5%)¹¹. То, что число мусульман меньше, чем православных, было следствием массовой эмиграции последователей ислама в 1878 г. Для учета населения была введена строгая паспортная система¹².

Австро-венгерское правительство оставило турецкое административное деление: 6 санджаков (Bezirk), которые делились на 49 каз (Kreis), во главе которых стояли каймакамы. Из 49 каймакамов только 13 были из местных мусульман, остальные были представителями народов многонациональной Австро-Венгрии¹³. Осенью 1878 г. указом императора Франца-Иосифа была создана комиссия по управлению Боснией-Герцеговиной при правительстве Австро-Венгрии. Но так как комиссия оказалась неэффективной, ее переподчинили министерству финансов, тем самым была введена гражданская администрация, которая существовала параллельно с военной. Но и такая

⁷ Donia R.J., Fine J.V.A. Bosnia and Herzegovina. A Tradition Betrayed. NY., 1994. P. 70.

⁸ Письмо А.С. Ионина Н.К. Гирсу. Рагуза, 12/24 октября 1878 г. АВПРИ. Ф.161/3. Политотдел Главного архива. Оп.233. Д.10. Фадеев, отставной генерал-майор. О поездке его в Южно-славянские земли по поручению Военного министерства для собрания сведений о положении дел и настроении умов в тех землях. 1878 г. Лл. 25–26.

⁹ Hauptmann F. Die österreichisch-ungarische Herrschaft in Bosnien und der Herzegowina 1878–1918. Wirtschaftspolitik und Wirtschaftsentwicklung. Graz, 1983. S.700..

¹⁰ Донесение консула в Сараеве Н.Ладъженского. Сараево, 29 февраля 1880 г. АВПРИ. Ф. 161/2. СПб. Главный архив V-A2. Оп. 181. Д. 830. Сараево. 1880 г. Л. 9об.

¹¹ Там же. Л. 12.

¹² Отчет МИД за 1879 г. по Герцеговине // Годишњи извештаји иностраних дела Руске империје о Србији и Босни и Херцеговини (1878–1903). Нови Сад, 1996. С. 171.

¹³ Вяземская Е.К. Босния и Герцеговина: их место и роль в европейских конфликтах начала XX века... С. 324.

система не дала результатов, поскольку не было четкого подчинения. Тогда при общеимперском министерстве финансов 8 июня 1880 г. было основано специальное «Бюро по делам Боснии и Герцеговины», включавшее семь департаментов: политический, финансовый, юридический, архивный, личный, отчетный и лесного хозяйства и полезных ископаемых. Можно согласиться с мнением П. Шугара, что отсутствие в аграрной стране органа по урегулированию земельных отношений и наличие последнего отдела свидетельствовали о приоритетности развития сырьевых отраслей¹⁴. Принципиальные вопросы управления вновь присоединенными территориями решались на заседаниях общих министров с неперменным участием глав обоих правительств Дуалистической монархии.

В 1879 г. Босния-Герцеговина была включена в таможенную систему Австро-Венгрии¹⁵. Однако эта мера отрицательно сказалась на положении населения Боснии и Герцеговины: резко повысились ввозные пошлины. Особенно болезненным для жителей было то, что многократно подскочили цены на колониальные продукты – рис, кофе, сахар. Изучив донесения русского консула в Сараеве, Е.К. Вяземская пришла к выводу, что боснийцы стали платить подати в 20 раз больше, чем в османское время, хотя налоговая система не была кардинально изменена. Так, оккупанты заменили натуральную десятину денежной, увеличился гербовый сбор, и возросла сумма городского налога¹⁶. Судебная власть при военном управлении принадлежала начальникам отрядов, которые чинили суд по турецким законам. Когда появилась гражданская администрация, были восстановлены суды санджаков и каз, пользовавшиеся османскими законодательными актами. Однако в 1878 г. был обнародован новый уголовный кодекс и учрежден апелляционный суд в Сараеве¹⁷. Были разоружены все жители провинции, и организованы отряды пандуров¹⁸.

Несмотря на то, что удалось умиротворить боснийско-герцеговинское население в 1878 году, первые пять лет оккупации Босния-Герцеговина продолжала жить беспокойной жизнью, отмечает Е.К. Вяземская¹⁹.

Осенью 1881 г. началось еще одно движение в Боснии и Герцеговине против австро-венгерского управления. Это было вторым по счету большим выступлением населения оккупированных областей, недовольного новой администрацией.

Восстание вспыхнуло на пограничных с Черногорией районах Герцеговины. Центром повстанцев было село Кривоши. Как докладывал Н.К. Гирс Александру III в секретном сообщении 29 января 1882 г., «живя в пределах Черной Горы они (восставшие жители Герцеговины – Л.П.) подвергаются нравственному и материальному влиянию (Черногории – Л.П.) в течение веков. Население не отличается ничем от населения Черногории и привыкло уважать князя (Николу – Л.П.) как единственного своего правителя»²⁰.

¹⁴ Sugar P.F. *Industrialization of Bosnia-Herzegovina, 1878-1918*. Seattle, 1963. P. 27.

¹⁵ Ibid. P. 45.

¹⁶ Вяземская Е.К. Босния и Герцеговина: их место и роль в европейских конфликтах начала XX века... С. 328.

¹⁷ Отчет МИД за 1879 г. по Боснии и Герцеговине // *Годишњи извештаји...* С.171.

¹⁸ Отчет МИД за 1878 г. по Герцеговине // *Годишњи извештаји...* С.168.

Отчет МИД за 1879 г. по Боснии и Герцеговине // *Годишњи извештаји...* С.170, 173.

¹⁹ Вяземская Е.К. Босния и Герцеговина: их место и роль в европейских конфликтах начала XX века... С. 323–324.

²⁰ Весьма секретная записка, представленная на Высочайшее воззрение. 6/18 июня 1882 г. АВПРИ. Ф. 138. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 65/69. Записка министра иностранных дел Гирса и проекты весьма секретных писем послам в Берлине и Вене о возможной аннексии Боснии и Герцеговины Австрией. 29 января – 25 апреля 1882 г. Л. 5об.

Поводом к восстанию 1881–1882 гг. стало введение Веней всеобщей воинской обязанности. Учитывая, что Порты в 1868 г. издала фирман об освобождении православных от воинской службы, а мусульмане должны были служить только султану, австро-венгерские власти нарушили свои обязательства по отношению к местному населению. Однако информацию о восстании они пытались тщательно скрыть от иностранных держав, говорится в отчете МИД за 1881 по Боснии и Герцеговине²¹.

Причиной мятежа, который начался в Герцеговине, боснийский историк Хамдия Капиджич считал аграрный вопрос²². Граф Андраши на Берлинском конгрессе обещал в первую очередь решить эту проблему; он утверждал, что Порты не способна самостоятельно разобраться с земельными отношениями, и именно поэтому Австро-Венгрия вводит свое управление в Боснии и Герцеговине²³.

Убедительной представляется версия американского историка Питера Шугара, согласно которой причина перехода к гражданской администрации была финансовой: австро-венгерская армия в Боснии и Герцеговине в 1879 г. потратила 15 млн. флоринов, тогда как первый гражданский бюджет в 1880 г. составлял всего 6 млн., реально было потрачено 6,5 млн. флоринов. Кроме того, дворцовые круги желали рассматривать оккупацию как инкорпорацию новой провинции в империю, так как ни одна из частей монархии не находилась под военным управлением. В действительности, с конституционной точки зрения легче было проводить военное управление, так как армия была общеимперским институтом²⁴.

Думается, что причиной восстания были все вышеназванные причины. Лучше всего выразил эту мысль посол России в Вене П.П. Убри в конфиденциальном письме Гирсу от 28 января/ 9 февраля 1882 г.: «военный закон, косвенные налоги, таможенное объединение с Австрией, пошлины и, наконец, руководство» были ошибками, которые допустило австро-венгерское правительство²⁵.

Восстание в Герцеговине взбудоражило международное сообщество. Великие державы поняли, что в связи с восстанием венский кабинет может объявить аннексию Боснии и Герцеговины, потому что этот мятеж мог быть как раз подходящим временем для окончательного присоединения оккупированных территорий. Согласно дополнительному протоколу к секретному договору, возобновляющему Союз трех императоров и подписанному 6/18 июня 1881 г., уполномоченные всех трех дворов постановили, что Габсбургская империя сохраняет за собой право аннексировать Боснию и Герцеговину в любой момент, который она признает подходящим²⁶.

В Архиве внешней политики Российской империи в фондах «Секретный архив министра», «Миссия в Белграде» сохранились документы, которые относятся к обсуждению в петербургском кабинете вопроса о возможной аннексии Дуалистической монархией оккупированной провинции²⁷.

Нужно отметить, что возможное изменение статуса Боснии и Герцеговины активно обсуждалось между императором Александром III, сначала товарищем министра иностранных дел, а с 28 марта 1882 года руководителем

²¹ Отчет МИД за 1881 г. по Боснии и Герцеговине // *Годишњи извештаji...* С. 178.

²² *Kapidžić H. Hercegovacki ustanak 1882. godine. Sarajevo, 1958. S. 330.*

²³ *Bumte E. de. Босния и Герцеговина. Берлинский договор. Культурная миссия Австрии на Балканах. Мюрциштегское соглашение. Кременец, 1908. С. 2.*

²⁴ *Sugar P.F. Industrialization...* P. 25.

²⁵ Конфиденциальное письмо Убри Гирсу. Вена, 28 января/ 9 февраля 1882 г. АВПРИ. Ф. 166. Миссия в Белграде. Оп.508/1. Д. 29. *Le Montenegro, la Bosnie et l'Herzegovine.* Лл. 20–20об.

²⁶ Союз трех императоров // *Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 232.*

²⁷ АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 63, 64/68, 65/69, 66, 68/73; АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/1. Д. 29, 68.

внешнеполитического ведомства Н.К. Гирсом, послом в Берлине П.А. Сабуровым и представителями в Вене П.П. Убри и А.Б. Лобановым-Ростовским, а также консулом в Цетинье А.С. Иониным.

В своей секретной записке, представленной императору, Николай Карлович Гирс, писал, что нужно найти наилучший способ «примирить интересы России и Австро-Венгрии по этому вопросу, не выходя за рамки договора 6/18 июня»²⁸.

В решение боснийско-герцеговинского вопроса были вовлечены Россия, Австро-Венгрия, Черногория и Германия. Черногорский князь Никола в беседах с Иониным выразил надежду, что если венский кабинет в целях умиротворения восстания объявит аннексию оккупированной провинции, то он хотел бы в качестве компенсации исправить границы со стороны Герцеговины в пользу своей страны. Князь Никола планировал демарш в отношении Вены – выступить с инициативой справедливого урегулирования²⁹. Сабуров предполагал, что Бисмарк успел предупредить графа Густава Кальноки, министра иностранных дел Габсбургской монархии, о возможном демарше князя Николы³⁰. При этом императорское министерство предписало А.С. Ионину успокоить черногорского князя, который не был посвящен в тайны Союза трех императоров. Консул в Цетинье должен был пояснить, что Россия поддержала бы князя в том случае, если «Берлинский трактат был бы нарушен отдельным решением венского кабинета или изменен европейским решением»³¹. Тогда бы Черногория вполне имела бы основания требовать компенсации, а Петербург бы, не колеблясь, ее поддержал³², заручившись поддержкой Германской империи³³. МИД считал, что князь Никола с моральной точки зрения имел бы право на компенсацию, поскольку он придерживался благожелательного нейтралитета и его страна вынуждена содержать беженцев из Герцеговины³⁴. А пока российское министерство рекомендовало князю Николе Петровичу поддерживать дружеские отношения с соседней державой. Министр иностранных дел отмечал: «Согласно нашим советам, князь Никола стремится сегодня снискать эту благосклонность (Вены – Л.П.) своим правильным поведением в весьма сложной ситуации»³⁵.

²⁸ Копия весьма секретной записки Гирса, представленная на Высочайшее воззрение. 6/18 июня 1881 г. АВПРИ. Ф. 138. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 65/69. Записка министра иностранных дел Гирса и проекты весьма секретных писем послам в Берлине и Вене о возможной аннексии Боснии и Герцеговины Австрией. 29 января–25 апреля 1882 г. Л. 4.

²⁹ Проект секретного личного письма министра иностранных дел Ионину в Цетинье. Гатчина, 24 апреля 1882 г. АВПРИ. Ф. 138. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 68/73. Переписка министра иностранных дел с посланником в Черногории Паниным (ошибка в названии дела, в действительности – Иониным – Л.П.) о возможной аннексии Боснии и Герцеговины Австрией. 24 апреля–5 июня 1882 г. Лл. 3–3об.

³⁰ Проект секретного личного письма министра иностранных дел Ионину в Цетинье. Гатчина, 24 апреля 1882 г. АВПРИ. Ф.138. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 64/68. Черновые проекты инструктивных писем министра иностранных дел Сауброву, Убри и Панину (Ионину – Л.П.) (Цетинье) о Боснии и Герцеговине. 31 января 1881 – 24 апреля 1882 г. Л. 2.

³¹ Проект секретного личного письма министра иностранных дел Ионину в Цетинье. Гатчина, 24 апреля 1882 г. АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 68/73. Переписка министра иностранных дел с посланником в Черногории Паниным (ошибка в названии дела, в действительности – Иониным – Л.П.) о возможной аннексии Боснии и Герцеговины Австрией. 24 апреля – 5 июня 1882 г. Лл. 3–3об.

³² Там же.

³³ Проект конфиденциального письма Сабурову в Берлин. 13 февраля 1882 г. АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 64/68. Черновые проекты инструктивных писем министра иностранных дел Сауброву, Убри и Панину (Ионину – Л.П.) (Цетинье) о Боснии и Герцеговине. 31 января 1881 – 24 апреля 1882 г. Л. 14.

³⁴ Проект секретного личного письма министра иностранных дел Ионину в Цетинье. Гатчина, 24 апреля 1882 г. Там же. Л. 2.

³⁵ Проект весьма секретного письма министра иностранных дел послу в Берлине Сабурову. Гатчина, 28 февраля 1882 г. АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 65/69. Записка министра иностранных дел Гирса и проекты

В действительности, дело обстояло по-другому. Российское правительство не могло ничего требовать от Австро-Венгрии³⁶. Петербург предпочел бы сохранение статус-кво согласно с Берлинским трактатом любым изменениям³⁷. К тому же дипломаты МИД понимали, что власть австро-венгерского правительства «слишком недавняя и слишком слабая» для того, чтобы заменить сильное влияние черногорского князя в Герцеговине³⁸. Однако для Убри было «очевидно, что Австрия не захочет уступить единственную дорогу на границе, где трудно даже представить возможность построить вторую дорогу в этом направлении, и которая осуществляет единственную прямую связь между Рагузой, Каттаро и южной частью Герцеговины»³⁹.

Что касается вопроса об аннексии, наиболее благоприятным вариантом развития событий Гирс считал ее осуществление без вовлечения в боснийско-герцеговинское дело стран-участниц Берлинского конгресса и без упоминания слова «аннексия»⁴⁰. «Вена может действовать по принципу «Я здесь, следовательно, я здесь остаюсь»⁴¹, – делился своими мыслями товарищ министра иностранных дел с русским послом в Германии.

По предложению П.А. Сабурова, российские дипломаты искали в Берлинском трактате и в договоре трех императоров упоминание об объединении Болгарии с Восточной Румелией в качестве компенсации за аннексию Боснии и Герцеговины. Гирс в то же время признавал, что нет никакой связи между объединением двух Болгарий и между окончательным присоединением оккупированных провинций к Дуалистической монархии⁴².

В итоге, восстание закончилось именно так, как и предсказывал Н.К. Гирс: стянув войска на границу с Черногорией, австро-венгерские войска смогли усмирить мятежников. Венский кабинет не объявил об аннексии, но и не подтвердил статус временной оккупации. Кальноки нашел выход из сложившейся ситуации: он заявил о присоединении (без термина «аннексия») боснийско-герцеговинского населения к Австрии⁴³.

весьма секретных писем послам в Берлине и Вене о возможной аннексии Боснии и Герцеговины Австрией. 29 января – 25 апреля 1882 г. Лл. 36об–37.

³⁶ Проект весьма секретного письма Сабурову в Берлин. Гатчина, 28 февраля 1882 г. Там же. Л. 39.

³⁷ Там же. Л. 40об.

³⁸ Копия весьма секретной записки Гирса, представленная на Высочайшее воззрение. 6/18 июня 1881 г. Там же. Л. 5об; Проект весьма секретного письма министра иностранных дел послу в Берлине Сабурову. Гатчина, 28 февраля 1882 г. Там же. Л. 36об.

³⁹ Весьма секретное личное письмо Убри министру иностранных дел. Вена, 17/2 марта 1882 г. АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 63/67. Письма посла в Вене Убри министру иностранных дел Гирсу о Черногории в связи с возможной аннексией Боснии и Герцеговины Австрией. 28 января/ 9 февраля – 2/ 14 апреля 1882 г. Л. 11.

⁴⁰ Проект конфиденциального письма Сабурову в Берлин. 13 февраля 1882 г. АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 64/68. Черновые проекты инструктивных писем министра иностранных дел Сабурову, Убри и Панину (Ионину – Л.П.) (Цетинье) о Боснии и Герцеговине. 31 января 1881 – 24 апреля 1882 г. АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 64/68. Л. 14–14об.; Проект весьма секретного письма Сабурову в Берлин. 28 февраля 1882 г. АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 65/69. Записка министра иностранных дел Гирса и проекты весьма секретных писем послам в Берлине и Вене о возможной аннексии Боснии и Герцеговины Австрией. 29 января–25 апреля 1882 г. Л. 35об.

⁴¹ Проект конфиденциального письма Сабурову в Берлин. 13 февраля 1882 г. АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 64/68. Черновые проекты инструктивных писем министра иностранных дел Сабурову, Убри и Панину (Ионину – Л.П.) (Цетинье) о Боснии и Герцеговине. 31 января 1881 – 24 апреля 1882 г. Л. 14об. Фраза в оригинале на французском языке: «J'y suis, j'y reste»

⁴² Проект весьма секретного письма Сабурову в Берлин. 31 января 1882 г. Там же. Л. 5об.

⁴³ Проект секретного личного письма Ионину в Цетинье. 24 апреля 1882 г. Там же. Л. 2.

Несмотря на то, что Австро-Венгрия усиленно пыталась не вмешивать третьей стороны, Черногория готова была выступить с демаршем, а Россия – поддержать последнюю. Однако петербургский кабинет, вероятно, надеялся, что Вена сможет успокоить повстанцев и российским дипломатам не представится случая помочь князю Николе в его требовании компенсации за возможную аннексию. Участие России в решении боснийско-герцеговинского вопроса в 1881–1882 гг. на международной арене, видимо, ограничилось консультациями с руководством Германии, Австро-Венгрии и Черногории.

Примечательно при этом, что в своей монографии, посвященной восстанию 1882 г., югославский историк Х. Капиджич пишет, что обнаружил в нем русский след. Официальный Петербург не имел отношения к этим событиям. Но славянские комитеты активно помогали повстанцам, особенно через Болгарию, откуда приезжали добровольцы и привозили оружие, утверждает Капиджич⁴⁴.

В работе Н.И. Хитровой есть сведения, что российский дипломат в Софии М.А. Хитрово оказывал активное содействие формированию добровольческого отряда в Болгарии. Именно к нему поступали из России собранные славянофилами средства. Хитрово употребил эти деньги на финансирование отряда и снабдил его участников паспортами⁴⁵. Дело закончилось тем, что сербские власти задержали добровольцев, которые пробыли под арестом около 6 недель, некоторые из них вернулись в Болгарию, а М.А. Хитрово был срочно отозван в Петербург⁴⁶.

Известный сербский ученый Милорад Экмечич отмечает негативные последствия уверенности боснийцев и герцеговинцев в поддержке славянофилов восстания 1882 г.⁴⁷ Австро-Венгрия ужесточила свою интеграционную политику по отношению к оккупированным территориям. Этому немало способствовали славянофилы.

В связи с восстанием в Герцеговине знаменитый «белый генерал» М.Д. Скобелев произнес знаменитый тост 12 (24) января 1882 года на банкете в ресторане Бореля в Петербурге, устроенном в честь первой годовщины со дня штурма Геок-Тепе. В частности он сказал: «Господа, в то самое время, когда мы здесь радостно собрались, там, на берегах Адриатического моря, наших единоплеменников, отстаивающих свою веру и народность — именуют разбойниками и поступают с ними, как с таковыми!.. Там, в родной нам славянской земле, немецко-мадьярские винтовки направлены в единоверные нам груди...»⁴⁸. Ровно через месяц после этого выступления, в Париже к сербским студентам генерал обращался с воинственным воззванием, направленным против Германии. Эти две речи не могли не вызвать негативной реакции венского и берлинского кабинетов, недовольных дерзостью русского генерала. Специалист по истории внешней политики Австро-Венгрии Ф. Бридж считает, что «кризис Скобелева» стал «начальной точкой военного и дипломатического усиления Австро-Венгрии» и именно он «ускорил образование Тройственного союза»⁴⁹.

Трудности инкорпорации Боснии и Герцеговины в Австро-Венгерскую империю были прогнозируемы, так как даже Стамбулу лишь силовыми методами удавалось удерживать фактически автономный Боснийский вилайет. Только силой Порты

⁴⁴ Kapidžić H. Hercegovački ustanak 1882. godine. Sarajevo, 1958. S. 164.

⁴⁵ Хитрова Н.И. Россия и Черногория. Русско-черногорские отношения и общественно-политическое развитие Черногории в 1878–1908 гг. М., 1993. С. 91.

⁴⁶ Там же. С. 92.

⁴⁷ Экмечич М. Стварање Југославије. Т. 2. Београд, 1989. С. 331.

⁴⁸ Цит. по: Шолохов А. Генерал от инфантерии Скобелев // Герои и антигерои Отечества. М., 1992. С. 177.

⁴⁹ Bridge F.R. The Habsburg Monarchy among the Great Powers, 1815–1915. New York; Oxford; Munich, 1990. P. 152–153.

добилась того, чтобы Босния и Герцеговина перестали выступать с сепаратистскими лозунгами. Австро-Венгрия также силой оружия успокоила мятежный вилайет.

Ситуация в Боснии и Герцеговине продолжало быть предметом глубокого анализа российского министерства иностранных дел. После преодоления армией Дунайской монархии сопротивления боснийско-герцеговинского населения, недовольного оккупацией, с восстановлением консульской юрисдикции российские дипломаты возобновили внимательное наблюдение за Боснией и Герцеговиной. В генеральную линию внешнеполитического ведомства России не входил пересмотр статуса оккупированных территорий. Оно придерживалось принципов Союза трех императоров и не желало осложнений с Дуалистической монархией. Однако, думается, что, если бы представился случай, Петербург не отказался бы от компенсации за изменение боснийско-герцеговинского статуса. Но дальновидные российские дипломаты понимали, что вряд ли австро-венгерские политики дадут такой шанс.

После подавления второго восстания на оккупированных землях правительство дунайской монархии начинает действовать энергичнее и активнее, чем в предыдущий период. Боснийско-герцеговинская администрации создавала благоприятные условия для развития инфраструктуры, промышленности, отраслей сельского хозяйства и культуры.

Список источников:

Архив внешней политики Российской империи.

Ф. 133. Канцелярия министра иностранных дел.

Ф. 138. Секретный архив министра иностранных дел.

Ф. 161/2. Главный Архив. V-A2.

Ф. 161/3. Политический отдел СПб. Главного Архива.

Ф. 166. Миссия в Белграде.

Годишњи извештаји иностраних дела Руске империје о Србији и Босни и Херцеговини (1878–1903). Нови Сад, 1996.

Использованная литература:

1. *Vumte E. de.* Босния и Герцеговина. Берлинский договор. Культурная миссия Австрии на Балканах. Мюрциштегское соглашение. Кременец, 1908.

2. *Вяземская Е.К.* Босния и Герцеговина: их место и роль в европейских конфликтах начала XX века // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914. М., 2004.

3. *Екмечић М.* Стварање Југославије. Т. 2. Београд, 1989.

4. *Хитрова Н.И.* Россия и Черногория. Русско-черногорские отношения и общественно-политическое развитие Черногории в 1878–1908 гг. М., 1993.

5. *Чубриловић В.* Босански устанак 1875–1878. Београд, 1930.

6. *Шолохов А.* Генерал от инфантерии Скобелев // Герои и антигерои Отечества. М., 1992.

6. *Bridge F.R.* The Habsburg Monarchy among the Great Powers, 1815–1915. New York; Oxford; Munich, 1990.

7. *Donia R.J.* The Habsburg Imperial Army in the Occupation of Bosnia and Hercegovina // Insurrections wars and the Eastern Crisis in the 1870s. NY., 1985.

8. *Donia R.J., Fine J.V.A.* Bosnia and Hercegovina. A Tradition Betrayed. NY., 1994.

9. *Hauptmann F.* Die österreichisch-ungarische Herrschaft in Bosnien und der Hercegowina 1878–1918. Wirtschaftspolitik und Wirtschaftsentwicklung. Graz, 1983.

10. *Kapidžić H.* Hercegovački ustanak 1882. godine. Sarajevo, 1958.

11. *Sugar P.F.* Industrialization of Bosnia-Hercegovina, 1878–1918. Seattle, 1963.